

УДК 323.22(571.12-25):316.334

А.В. Семенов, О.Ю. Лобанова
КАК ЛЮДИ И ОРГАНИЗАЦИИ ТРЕБУЮТ ИЗМЕНЕНИЙ:
ИССЛЕДОВАНИЕ РЕПЕРТУАРА ПРОТЕСТНЫХ ДЕЙСТВИЙ В ТЮМЕНИ

КАК ЛЮДИ И ОРГАНИЗАЦИИ ТРЕБУЮТ ИЗМЕНЕНИЙ: ИССЛЕДОВАНИЕ РЕПЕРТУАРА ПРОТЕСТНЫХ ДЕЙСТВИЙ В ТЮМЕНИ

СЕМЕНОВ Андрей Владимирович — кандидат политических наук, доцент кафедры новой истории и международных отношений в ТюмГУ. E-mail: andre.semenoff@gmail.com.

ЛОБАНОВА Олеся Юрьевна — младший научный сотрудник ИПОС СО РАН. E-mail: femaletmn@gmail.com.

Аннотация. В статье рассматривается динамика развития протестного репертуара в Тюмени за 2008-2012 гг. Применяя подход "соstitialной политики", авторы анализируют, какие протестные формы используются участниками, что влияет на эти предпочтения, какова динамика протестной политики в городе.

Эмпирическим материалом для исследования были уведомления в городскую администрацию, записи полевых дневников и анализ региональных СМИ.

Установлено, что доминирующими формами протестных действий политических организаций являются митинги, пикеты и одиночные пикеты, остальные формы значительно уступают по своей распространенности. Протестный репертуар частных лиц активно дополняется сходами, одиночными пикетами, перекрытиями дорог, угрозами голодовок.

Протестный сегмент представлен «левым» и консервативным крыльями, парламентские партии (за исключением КПРФ) нечасто прибегают к протестным действиям. На выбор протестного репертуара влияют как культурные особенности, так и политический режим, способный увеличить или уменьшить стоимость участия.

Ключевые слова: протестный репертуар, соstitialная политика, регионы, Тюмень.

HOW PEOPLE AND ORGANIZATIONS REQUIRE CHANGES: STUDYING THE PROTEST ACTIONS IN TYUMEN

SEMENOV Andrei Vladimirovich – PhD in Political Science, Associate Professor, Chair of Modern History and Foreign Relations, Tyumen State University. E-mail: andre.semenoff@gmail.com

LOBANOVA Olesya Yur'evna –Junior Researcher, Institute of Northern Development, Siberian Branch of RAS. E-mail: femaletmn@gmail.com.

Abstract. This paper considers dynamics of protest repertoire in Tyumen from 2008 to 2012. Using the contentious politics approach the authors analyze the forms of contentious collective actions, its dynamic and factors influencing protesters' choice of repertoire.

Data for this research was collected from media coverage, observation lists and notifications to local authorities.

Data shows that the most common forms of protests of political organizations were meetings and picketing while other forms were not so popular. The protest repertoire of individuals can be supplemented by gatherings, single pickets, road blockings or hunger strike threats.

Public arena for contentious actions is dominated by communist organizations; other political parties rarely initiate protests. Repertoire of contention is affected both by cultural and government activity, which can raise or reduce costs of contentious actions.

Keywords: protest repertoire, contentious politics, regions, Russia

Любое общество отличается динамикой, споры о причинно-следственных связях и паттернах этой динамики составляют дискуссионное ядро социологии. Различные социологические традиции по-разному рассматривают изменения: обращают внимание на конфликт коллективных идентичностей (марксизм), роль ценностей (веберизм), символический аспект социальных взаимодействий (традиция Дюркгейма), стратегическую рациональность акторов и их приспособление к меняющимся условиям (теория рационального выбора). Каждая традиция по-своему решает один из ключевых вопросов о субъектности социальных изменений: действуют ли акторы исключительно по своей воле или их действия отражают структурные процессы, происходящие в глубинах общества? Являются ли требования, предъявляемые участниками социальных взаимодействий друг к другу и общественным институциям, только отражением их социальной позиции (как у К. Маркса и отчасти у П. Бурдьё), результатом стратегических калькуляций (как в теории рационального выбора) или «символического производства» собственной идентичности?

Другой комплекс проблем связан с нормативной традицией, в частности с вопросами, поставленными Ю. Хабермасом и Д. Александером. Для них требования изменений диктуются более фундаментальным вопросом согласования гетерогенных интересов различных групп в рамках одной политики. Ю. Хабермас указывает, что процесс обсуждения вопросов общей значимости (в том числе в форме предъявления требований) должен носить свободный, открытый и рациональный характер и, что не менее важно, участники должны обладать возможностями реализовать свои представления о коллективном благе. Такие условия увеличивают вероятность возникновения базового консенсуса по общественно-значимым вопросам в пространстве, который Ю. Хабермас называет публичной, а Д. Александер гражданской сферой. Одним из существенных элементов публичной/гражданской сферы являются протестные действия. Они имеют множество функций, но определенно свидетельствуют о конфликте и необходимости его разрешения. Конечно, не все из них затрагивают проблемы общественного блага, напротив, в некоторых случаях мы наблюдаем организацию протестов вокруг частных интересов. Тем не менее, поскольку они происходят в публичной сфере, протесты являются мощным ресурсом влияния и социальных изменений.

Цель настоящей статьи — уточнить существующие теоретические модели в социологии социальных движений, основываясь на полученных эмпирических данных. Мы опираемся на труды представителей подхода «динамики оспаривания» (dynamic of contention) — Ч. Тилли, Д. Макадама, С. Тарроу и др. В рамках данного подхода протесты вписаны в широкую перспективу «состязательной политики», под которой понимаются «эпизодические, публичные, коллективные взаимодействия между предъявителями требований и объектами предъявления, в которых (а) одной из сторон выступает государство в качестве объекта (ему предъявляют требования), субъекта (оно предъявляет требования) или третьей стороны и (б) требования в случае их реализации затронут интересы хотя бы одной из взаимодействующих сторон [10, р. 5]. «Состязательность» подразумевает динамику отношений с неочевидными итогами и результатами — протестующие стараются повлиять на объект требований, прибегая к эффективному

репертуару¹ и поддержке отдельных индивидов и структур, а их соперники стремятся уменьшить влияние, комбинируя различный набор действий. Таким образом, важным аспектом во взаимодействии участников является выбор конкретного репертуара, а также эффекты, связанные с его реализацией.

Модель «сопоставительной политики» предполагает, что, с одной стороны, на выбор репертуара протеста влияет политический режим, способный увеличить или уменьшить риски участия в коллективных действиях. Например, в работах Ч. Тилли показано, что в демократических странах социальные движения встречаются гораздо чаще, чем в авторитарных [11]. В то же время репертуар зависит от культурных условий и связан с протестными традициями, нарративами и разделяемыми символами: протестующие обращаются к протестным формам, которые укоренились в обществе и опознаются широкой аудиторией как протестные. Автор приходит к выводу, что протест — это одновременно универсальное и уникальное явление — люди протестуют по всему миру, но делают это по-разному, в зависимости от типа режимов и культурных особенностей. Как показывают отечественные и западные исследования, протестные действия в России имели оригинальную динамику и разнообразие [4, 5]. В советский период действия по оспариванию текущей политики носили как открытый (восстание в лагерях, движение диссидентов), так и скрытый характер (экономическое неповиновение, саботаж на работе) [3]. В перестроечный период наблюдалась обширная и интенсивная мобилизация, сопровождавшаяся появлением социальных движений самого разного характера. Вся середина 1990-х гг., по мнению Г. Робертсона, прошла под знаком забастовок, связанных с социально-экономическими условиями: в отдельных городах собирались по 200–250 тыс. человек, а наиболее распространенными формами были демонстрации, забастовки, голодовки, перекрытие дороги и железнодорожных путей [8]. В начале 2000-х гг. происходит широкая демобилизация протестующих, которая время от времени прерывается национальными кампаниями, такими как движение против монетизации льгот в 2005 г. и движение «За честные выборы» в декабре 2011 — марте 2012 г.

Хотя общие данные о протестном репертуаре в стране важны, они показывают «среднюю температуру», не фокусируясь на особенностях регионов. Несмотря на последовательный процесс централизации, Россия остается гетерогенным пространством, где различия между регионами в экономическом, социальном и политическом измерениях весьма значительны. Мы рассматривали, как протестующие предъявляют требования власти, политическим акторам и частным лицам в центре Тюменской области — городе Тюмени. Различается ли динамика, охват участников, репертуар по России в целом и в других регионах? Каковы особенности рекрутирования новых участников и каковы функции различных форм публичных действий у организаций и активистов?

Место проведения исследования — город Тюмень — имеет свои преимущества и недостатки в качестве объекта. Согласно рейтингу журнала «Русский репортер» за 2013 г., Тюмень занимает второе место в десятке самых перспективных российских мегаполисов [1], являясь нефтегазовой столицей с официальной численностью около 650 тыс. человек. В схеме «четырёх России» Н. Зубаревич Тюменская область сочетает признаки первой (большие города) и третьей групп (аграрная периферия) [2]. Областная столица характеризуется довольно высоким уровнем жизни, развития инфраструктуры,

---

¹ Репертуар протеста (repertoire of protest) — устойчивое выражение в англоязычной литературе по социальным движениям. Означает совокупность протестных действий, которые акторы используют при предъявлении требований другой стороне.

интернетизации, в то же время за пределами Тюмени и второго по величине города региона — Тобольска — расположены аграрные районы.

Данные для настоящего исследования собраны на основе мониторинга СМИ, полевых дневников наблюдения и уведомлений в муниципальные органы власти. Они включают информацию о дате, времени и месте проведения мероприятия, его организаторах, целях, лозунгах, форме, в отдельных случаях — о количестве участников. Также по уведомлениям в муниципалитет фиксировалось количество непротестных публичных акций. Полученная база данных содержит 442 записи по протестным событиям и позволяет проследить пятилетнюю динамику «состязательной политики» в городе через призму публичных протестных акций. Необходимость использования разных источников для формирования базы данных обусловлена частичностью сведений в каждом отдельном источнике. Так, в листах наблюдений и СМИ зачастую не фиксировались организаторы акций протеста, а в уведомлениях на проведение публичных акций в муниципалитет не включаются такие формы «состязательной политики», как флешмоб или сход граждан. Кроме того, в ряде случаев мы наблюдали, как организации заявляют о проведении протестной акции, получают согласие муниципалитета, но сама акция не проводится. В других случаях (на первомайскую демонстрацию) подавалось одно уведомление, однако событие «демонстрация» распадалось на «шествие» и «митинг». Несмотря на ограничения, можно сформировать общую картину «состязательной политики в Тюмени» за 2008–2012 гг.

Динамика протестных акций в Тюмени (2008–2012 гг.)

Протестные акции — одна из распространенных форм публичных мероприятий, которые по уведомлениям занимают около 65% от ее числа. В остальных 35% случаев горожане участвуют в различного рода праздничных (Дни города, молодежи), патриотических (Дни победы), религиозных (крестные ходы), частных (благотворительность) и других акциях. За пятилетний период (2008–2012 гг.) в среднем у обычного тюменца была возможность каждые пять дней видеть протестные мероприятия. Также в течение этого срока он мог бы наблюдать за изменениями в цветах: от абсолютного доминирования коммунистических на небольшие вкрапления анархистских, имперских и других цветов, за которыми стояли новые игроки.

Рисунок 1 — Количество протестных акций
Данные: подсчеты авторов.

Рисунок 1 демонстрирует плавный рост количества протестных акций: в 2008 г. было зафиксировано 38 событий протестного характера, в 2009 — 59, в 2010-м — 71, в 2011-м — 99, в 2012-м — 85. Рост наблюдался до декабря 2011 г., т.е. до начала кампании «За честные выборы» и широкой политической мобилизации. Отчасти это можно объяснить электоральным циклом — в процесс включались политические партии, работавшие со своими избирателями. В то же время внепартийная мобилизация (дольщики, гражданские активисты, общественные организации) также внесла свой вклад в рост протестных акций: с 20 акций в 2008 г. до 27 в 2009 г., 36 в 2010 г., 45 в 2011 г. и 41 в 2012 г. Организационная среда протеста за пятилетний период также менялась: с одной стороны, коммунистические организации (КПРФ и РКРП–КПСС²) сохраняют за собой лидерство в инициации протестных действий — их акции составляют 41% от общего числа. С другой стороны, на авансцену выходили другие группы: анархисты («Автономное действие»), обладая гораздо меньшими ресурсами, стабильно проводили не менее 6 собственных акций в год (9% всех зафиксированных событий), нередко присоединялись к другим политическим и гражданским акциям. До 2012 г. они были активны, но потом произошел упадок движения, связанный с фабрикацией уголовного дела в отношении лидера анархистского сообщества и его последующего отъезда из города. С 2009 г. к протестам присоединяются консервативные группы (Тюменский городской родительский комитет, Евразийский союз молодежи, позже — тюменское отделение «Суть Времени»): на их долю приходится 4,3% протестов. В 2008–2011 г. заявляли о себе экологическое общество «Гринхелперс», автомобилисты, общественная организация «Радужный Дом», однако в 2012 г. следов их публичной протестной активности не зафиксировано.

Политические партии, за исключением коммунистов, выходят на публичные протесты редко: за пятилетний период было зафиксировано 3 акции «Справедливой России», 3 акции Партии народной свободы («Парнас»), 9 акций ЛДПР, 11 — Концептуальной партии «Единение». На этом фоне выделяется незарегистрированная партия «Воля», которая только за 2011 г. подала 38 уведомлений о проведении митингов и пикетов. Однако по сообщениям в СМИ и листам наблюдения нам удалось подтвердить только одну акцию из этого числа. Таким образом, в целом организационная среда «соstitialной политики» остается бедной, в ней доминируют традиционные «левые», хотя доля последних в общем количестве акций снижалась (с 47% в 2008 г. до 32% в 2010 г. и 43% в 2012 г.). Новые группы появляются редко (в 2011 г. замечена активность организаций «Кредитная амнистия», Партии Народной Свободы, с 2010 г. действует коалиционное объединение Совет инициативных групп и граждан), а их публичная активность не отличается устойчивостью.

Частные лица, не связанные с политическими организациями, инициировали около 23% всех акций. Самые активные группы — обманутые дольщики, работники предприятий и жители, протестующие против уплотнительной застройки и по поводу других городских проблем. Дольщики, в том числе, используют одну из наиболее радикальных форм — голодовку — в качестве инструмента воздействия на власть. Зафиксированы случаи сходов, перекрытия дороги, закапывания траншей, другие формы прямого действия.

Оценить общую численность протестовавших затруднительно: есть данные по 128 случаям из 352 (36% от общего количества зафиксированных). Если убрать из выборки

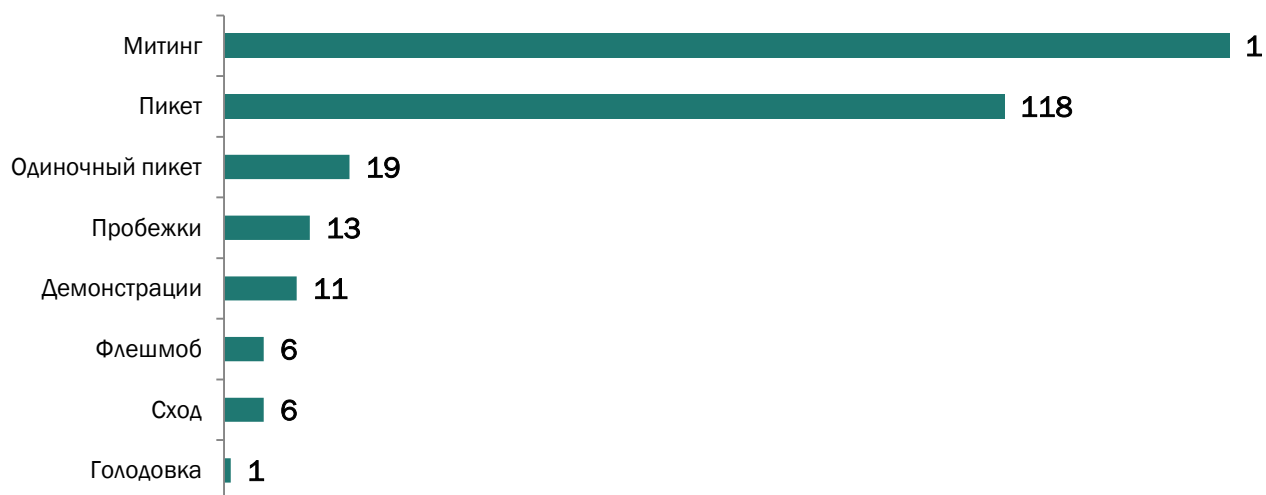
---

² РКРП–КПСС — Российская коммунистическая рабочая партия–Коммунистическая партия Советского Союза.

экстремальные значения (19 одиночных пикетов, 10 демонстраций/шествий и 2 крупные акции декабря 2011 г., а также акции с численностью участников менее 10 человек), остается 83 случая, собравшие 4560 человек, т.е. в среднем 55 человек на акцию. Принимая во внимание численность участников шествий и демонстраций коммунистов, сход граждан 10 декабря 2011 г. (1500 человек) и митинг «За честные выборы» 24 декабря 2011 г. (500 человек) — 6500 за пятилетний период, а также общее количество акций, исключая одиночные пикеты и обозначенные выше (321), можно утверждать, что общее количество участников протеста за 5 лет не превысило 24 155 человек, большинство из них (за вычетом акций декабря 2011 г.) были мобилизованы коммунистами. В среднем в течение года можно насчитать не более 4500 участников, а с поправкой на крупные акции — не более 3500. При этом мобилизационное ядро — постоянные участники акций от всего спектра организаций и движений — насчитывает от 500 до 700 человек.

Репертуар протеста

На городском уровне протестный репертуар имеет отчетливые очертания: митинги, пикеты и одиночные пикеты занимают первые три места по распространенности. В своем арсенале их применяют участники независимо от политического опыта, ресурсов и структуры организации — они используются как протестными «тяжеловесами» в лице коммунистов, так и представителями консервативного блока, «частными» лицами. Схожесть репертуаров во многом объясняется общей протестной культурой, подразумевающей, что о формах осведомлены сразу несколько сторон: организаторы знают, что необходимо делать, а широкая аудитория — как это воспринимать. Тюменские протесты следуют в русле общероссийских тенденций: Г. Робертсон отмечает смену акций прямого действия середины 1990-х гг. (захват помещения, перекрытие дороги) на символические формы (митинги, пикеты) в 2000-х [8].

Рисунок 2 — Общий репертуар протеста (2008–2012 гг.), количество акций

Тем не менее в выборе репертуара среди акторов есть некоторые отличия. Например, репертуар коммунистов крайне ригиден и невосприимчив к новым формам —

наиболее востребованы у них митинги, пикеты и шествия, другие формы протеста практически не задействованы. У обеих партий (КПРФ и РКРП) популярной протестной повесткой (27%) являются «Дни исторической памяти»: годовщина Октябрьской революции, дни рождения и смерти советских лидеров (В. Ленина, И. Сталина), «расстрел» Белого дома в 1993 г. На втором месте — «Стратегия-31» (16% для РКРП), инициированная РКРП и ее организациями-сателлитами³. КПРФ и РКРП в целом соблюдают паритет по количеству акций (с незначительным опережением последней), проводят совместные мероприятия, однако с учетом сателлитов («Союза воинствующих безбожников», Левого фронта, РОТ-Фронта) РКРП набирает 27% акций из 41%, принадлежащего коммунистическому блоку. Такой репертуар позволяет сохранить мобилизационное ядро организации, которое по большому счету восприимчиво только к советской риторике и традиционным формам в виде демонстраций и митингов, но при этом ведет к отторжению со стороны широкой публики. Опираясь на работы Н. Залда, можно утверждать, что коммунистические организации располагают постоянной базой поддержки, занимают определенное место среди других организаций, в результате их лидеры применяют консервативные стратегии, избегая радикальных требований, которые подвергают опасности занимаемые ими ниши [6].

У анархистов репертуар более разнообразен благодаря частичной трансформации традиционных форм и обращению к новым. В их набор протестных действий входят митинги, пикеты, санкционированные и несанкционированные шествия, флешмобы. Традиционные формы (митинги и пикеты) составляют около 90% их репертуара, при этом они дополняются новыми элементами (перформансами, выступлениями музыкальных групп, викторинами), становясь, по наименованию анархистов, «уличными вечеринками». Анархисты одними из первых в городе стали использовать не только перформансы, но и политические флешмобы. Например, широкую огласку получил флешмоб «Сцепка», во многом инициированный анархистами, где участники, сидя на асфальте и сцепившись локтями, выкрикивали: «Нет ментовскому беспределу!». Большинство акций анархистов посвящено проблемам самого широкого спектра — около 30% из них невозможно обобщить в связи с эклектичностью требований, поэтому они отнесены к категории «другое», далее следует критика правоохранительных органов (26%): реформа МВД, политические репрессии, на третьем месте (13%) — вопросы городской среды (вырубка парков, уплотнительная застройка). Благодаря этому анархисты поддерживают интерес к собственным действиям: если в 2008 г. акции анархистов насчитывали не больше 10 человек, то в 2010 г. в коалиции с коммунистами и гражданскими активистами они мобилизовали до 250 человек (митинги против «распила общественных средств» и против «Центра Э»). В то же время организационное ядро анархистов оставалось малочисленным (12–15 человек), в 2012 г. их активность резко пошла на спад. Анархисты активно поддерживали низовые формы протеста, налаживая сотрудничество с молодежными экологическими организациями, жителями, выступающими против точечной застройки, независимыми профсоюзами.

Наконец крупной категорией участников протестных акций стали жители города, не аффилированные с политическими организациями — частные лица. В Тюмени их требования сосредоточены на сфере долевого строительства (обманутые дольщики),

---

³ Организации-сателлиты (Левый фронт, Союз воинствующих безбожников, Союз советских женщин) — не являются самостоятельными политическими игроками и напрямую зависят от РКРП, т.е. некоторые члены РКРП одновременно являются их руководителями и составляют костяк организации.

рабочих отношений (рейдерские захваты, невыплаты заработной платы), точечной застройки, безопасности детей в школе. Репертуар частных лиц представляет различного рода варианты символического и прямого действий — первыми по распространенности, как и у других участников, являются митинги (30%) и пикеты (20%), однако далее идут сходы, одиночные пикеты, перекрытие дороги, угроза голодовки. Репертуар прямого действия (сходы, перекрытие дороги) чаще всего отсылает к понятию процедурной справедливости, когда участники возмущены нарушением формальных правил [12]. Например, одним из резонансных событий стало перекрытие дороги местными жителями, требовавшими от властей справедливого расследования дорожной аварии («дело Ягуара⁴»). Если требования политических активистов могут игнорироваться властями, принимая формы отписок, то реакция на действия частных лиц более заметна: на сходы приезжают ведомственные чиновники (например, в «деле Ягуара»), первые лица области участвуют в переговорах (например, в случае обманутых дольщиков), косвенно об этом могут свидетельствовать отозванные уведомления.

На репертуар протеста влияют не только предпочтения участников, но и реакция власти, которая может создавать препятствия для тех или иных форм протеста. По мнению Ч. Тилли, отношение режима к протестующим выражается в безразличии, содействии или репрессиях, зависящих от количества затрачиваемых ресурсов: при безразличии власти толерантно относятся к акциям протестующих, при содействии — уменьшают их затраты, при репрессиях — наоборот, увеличивают стоимость коллективных действий [9]. Власти толерантно относятся к традиционным формам протеста, поскольку их сценарии, а также способы реагирования на них хорошо известны. Новые формы, которые только вводятся в арсенал протестующих, вызывают некоторое опасение режима, что выражается в создании им дополнительных барьеров, например, в виде трудностей при согласовании акций, задержаний активистов, проведения неформальных «бесед» и др. Влияние режима на последующую трансформацию репертуара хорошо заметно на примере двух групп: представителей ЛГБТ-сообщества и участников «Русских пробежек». В первом случае на уведомления о согласовании пикетов неоднократно получался отказ, неправомерный, по мнению участников, что вызвало контрстратегию со стороны ЛГБТ-активистов: они перестали согласовывать свои акции с муниципалитетом, заменив планируемые пикеты на флешмобы, ставшие практически единственным способом протестных действий. Во втором случае власти создавали различные преграды для проведения адаптированного шествия — «Русских пробежек», в которых участники бегали колонной по улицам города с националистической символикой и речевками «Русский — значит трезвый». Стратегия власти по отношению к «бегунам» сначала имела запретительный характер, что вынуждало участников отказаться от пробежек и заменить их занятиями на турниках. Затем изменилась на кооптационный — местным властям удалось превратить политически мотивированные акции в подобие городских Дней здоровья.

Таким образом, за пятилетний период в протестной активности произошли изменения: в среднем увеличилось количество акций и новых участников. Однако это не повлекло за собой широкую мобилизацию. Протестующие привлекают лишь членов организаций и ближайший круг сторонников. Ими используется репертуар, резонирующий с общероссийскими протестными формами. Лидирующими формами являются митинги, пикеты, одиночные пикеты, которые знакомы преобладающему большинству организаторов. К ним обращается большинство участников независимо от формы

---

⁴В 2011 г. водитель машины «Ягуар» на высокой скорости сбил пешехода и скрылся с места ДТП.

организации и идеологических предпочтений, опыта и ресурсов. Можно сказать, что на сегодня они составляют фундамент протестной культуры. Выбор репертуара во многом зависит от протестного опыта организаторов, т.е. от знаний и представлений о том, как необходимо протестовать, какие формы эффективны и т.д. Он также связан с протестной культурой организаций — участники адаптируют действия и формы идеологически и культурно близких им организаций [7]. Традиционные формы могут приобретать новые элементы благодаря протестному опыту организаторов («эффект текущей работы») или путем диффузии, когда коллективные действия происходят по образцу действий других — в последнем случае необходимо, чтобы участники обладали хотя бы минимальным сходством с адресатом. Формы предъявления требований зависят не только от предпочтений участников, но и от отношения властей, способных создавать барьеры определенному репертуару и требованиям.

Литература

- 1 10 самых перспективных российских городов // Русский Репортер: [веб-сайт]. 2013. 14 сент. URL: <http://www.rusrep.ru/article/2013/05/22/megapolis>.
- 2 Зубаревич Н. В. Четыре России // Ведомости : [веб-сайт]. 2011. 30 дек. URL: http://www.vedomosti.ru/opinion/news/1467059/chetyre_rossii.
- 3 Кулевиг Э. Народный протест в хрущевскую эпоху : девять рассказов о неповиновении в СССР. — М. : АИРО-XXI, 2009. 208 с.
- 4 Массовые движения в современном обществе / отв. ред. С. В. Патрушев. М. : Наука, 1990. 198 с.
- 5 Социология общественных движений : эмпирические наблюдения и исследования / отв. ред. В. В. Костюшев. — СПб. : Ин-т социологии РАН, 1993. 172 с.
- 6 Ash R, Zald N. Social movement organization : growth, decay and change social // Social Forces. 1966. Vol. 44. P. 327-347.
- 7 MacAdam D., Rucht D. The cross-national diffusion of movement ideas // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1993. Vol. 528. P. 56-74.
- 8 Robertson G.. The politics of protest in hybrid regimes : managing dissent in post-communist Russia. — Cambridge : Cambridge University Press, 2011. 304 p.
- 9 Tilly C. From mobilization to revolution. London : Addison-Wesley, 1978. 349 p.
- 10 Tilly C., MacAdam D., Tarrow S. Dynamics of contentious. — Cambridge : Cambridge University Press, 2004.
- 11 Tilly C. Regimes and repertoires. — Chicago : University of Chicago Press, 2006
- 12 Tyler T. R., Smith H. J. Social justice and social movements // eScholarship: [веб-сайт]. URL: www.escholarship.org/uc/item/54d3j035.